

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бабич В.В. — *Homo loquens*: ценности в структуре нарративной идентичности // Философская мысль. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.6.40863 EDN: FDUIHM URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=40863

Ноmо loquens: ценности в структуре нарративной идентичности

Бабич Владимир Владимирович

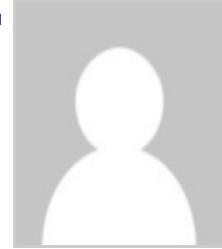
ORCID: 0000-0001-8537-9782

кандидат философских наук

доцент кафедры истории и философии науки, Томский государственный педагогический университет

634061, г. Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60

✉ v.v.babich@gmail.com

[Статья из рубрики "Человек и человечество"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.6.40863

EDN:

FDUIHM

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2023

Аннотация: Рассматривается связь нарративной идентичности и ценностей. Утверждается, что проблема взаимосвязи и баланса между опытом переживания ценностей, разнонаправленного спектра желаний, эмоций и совершаемых поступков неотделима от вопроса самоопределения субъекта. Представленный анализ опирается на концепцию динамики нарративных изменений Ч. М. Тейлора «наилучшей из возможных артикуляций опыта» (Best Account) и концепцию диалога М. М. Бахтина. Выстраивание нарративной идентичности невозможно без отсылки к ценностям, которые выступают основаниями интенциональных состояний, ориентациями и мотивами, определяющими их поведение. Необходимость ценностей для нашего самоописания обнаруживает их реальность. Рефлексия составляет необходимое условие онтологизации ценностей, определяя отличие «ценностей» от «норм», «желаний» и «предпочтений». В структуре нарративной идентичности ценностью выступает не любое желание или предпочтение, а только такое, которое, нуждается в обосновании (рациональной артикуляции). Эмпирическим следствием рациональной артикуляции является формирование общего нарратива или формирование общего языка,

облегчающего обоснование ценностей, что выступает условием для возникновения солидарности. Рассмотрен герменевтический круг в качестве модели формирования и трансформации нарративной идентичности. Представленная модель описывает взаимодействие между артикуляциями субъекта и его дoreфлексивным опытом эмоционального переживания ценностей, соотнося эти элементы с существующим спектром аксиологических интерпретаций. Герменевтический круг выявляет возможность согласования в субъекте различных уровней существования ценностей, с точки зрения преодоления противоречий между индивидуальным и коллективным: желаниями, эмоциями, ценностями и поступками. Формируется вывод о том, что ценности встроены в структуру нарративной идентичности несколькими способами: они формируют содержание нарратива, укрепляют представления об идеалах через повествование и формируют интенции.

Ключевые слова:

нарративная идентичность, герменевтический круг, диалог, личность, ценности, артикуляция опыта, фаллибилизм, солидарность, рефлексия, интроспекция

Введение

Понятие «ценность» сложно операционализировать [15]. Это связано не только с множеством вариантов определения данного понятия в истории философии, но и с тем, что в эмпирических исследованиях сами испытуемые при попытках определить основание ценностей зачастую не могут этого сделать. Высказываются мнения, что в связи со сложностью операционализации понятия «ценность» его следует заменить понятиями: «предпочтение», «практика», «культура», «норма» [21]. Это позволяет говорить о серьезных внутренних противоречиях в аксиологии и констатировать методологический хаос, который царит в определениях самого понятия «ценность». Одновременно с этим актуализируются обсуждения потенциала нарратива как особого конструируемого пространства между культурой и субъектом, пространства, в котором субъект структурирует понимание себя, своего жизненного опыта, ценностей и окружающей среды. Наррация, рассматриваемая как особая практика, с помощью которой ценности и идентичность человека способны к изменениям, позволяет вывести понимание роли нарратии за пределы содержания истории, поднимая вопросы возникновения нарратива и той роли, которую он выполняет в структуре социального взаимодействия и формировании ценностей [10].

Попытки теоретического определения понятия «ценность» часто исходят из следующих допущений:

1. Ценности вписаны в ту или иную последовательную и логичную теоретическую систему.
2. Система ценностей стабильна во времени и контекстах, в которых она проявляется.
3. Поведение людей напрямую следует из этих ценностей.

Принятие данных допущений приводит к пониманию того, что ценности в нашем опыте представлены иерархично, являются чем-то внешним, сепарированным от других способов связи с миром и детерминант поведения. Таким образом, аксиология предстает высокоабстрактным, жестко кодифицируемым теоретическим построением, претендующим

на универсальное объяснение социальной реальности. В такой модели ценностями являются выделенные из культуры аналитические конструкции, которые затем объявляются ответственными за образование культурно-детерминированных форм человеческих действий и институтов.

Подобную мысль можно выразить в следующей модели: общая система ценностей в процессе институализации определяет моральные и правовые нормы, посредством интериоризации они встраиваются в структуру личности, формируя объектно-ориентированные структуры влечения (интенциональность), противоположные биологическим предрасположенностям [14]. В данной схеме действующий субъект существует в культуре, пронизанной дискурсивными иерархическими конструктами — самостоятельными знаковыми и аксиологическими реальностями. Где субъект — лишь производная от динамики иерархических дискурсов. Он есть дискурсивная функция, не являющаяся чем-то целостным, самотождественным и устойчивым. Ценности онтологизируются не в субъекте, а в абстрактной дедуктивной системе, которая понимается как отражение культуры.

Данная дедуктивная система не проясняет, как ценности реализуются в конкретных ситуативных действиях, соотносятся с практикой самоописания субъекта, также открытым остается вопрос о роли субъекта в принятии ценностей или отказе от них [18]. Подобные рассуждения во многом определены проблемным полем традиции философии постмодерна. Возможно, ли мыслить индивидуальное (субъект) до- или внесоциальным, или же субъектность возможна только в качестве дискурсивного конструкта, создаваемого под влиянием общего языка, культуры и ценностей, где индивидуальное конструируется внутри социального, посредством повторения нормативных актов и высказываний.

Говоря о философской рефлексии, объединенной в понятии «постмодерн», мы рассмотрим высказывания Р. Рорти относительно его критики классического понимания теории ценностей и идентичности, предлагающего отказаться от трактовки личности в качестве субстанциальной сущности и признать контингентность нашего существования. Полемизируя с классической традицией философской антропологии, философ утверждает, что «...традиционный взгляд рисует такой образ людей, в соответствии с которым они представляют собой не просто сеть убеждений и желаний, а некие сущности, обладающие такими убеждениями и желаниями. Традиционная точка зрения заключается в том, что существует ядро самости, которое может рассматривать, выбирать, использовать и выражать себя через эти верования и желания». Р. Рорти отвергает допущение существования сущностного ядра личности и предлагает понимать субъектность в качестве «идиосинкразических конгломератов побуждений» без какого-либо центра и формирующих идентичность ценностей. В соответствии с данным пониманием личности выдвигается альтернативный принцип солидарности, в основе которого лежит этика избегания жестокости и защита от унижения, а не поиск общих целей и ценностей [17].

Такая постановка вопроса обнаруживает противоречие между пониманием субъекта как совокупности идиосинкразических конгломератов побуждений и самоуважением. Становиться сложно объяснить тот факт, что мы способны долгое время испытывать нравственные мучения от собственных действий, которые не согласуются с нашими ценностями, если в нас нет «центра», содержащего наши ценности, переживаемые как нечто внутреннее и самотождественное [6].

Таким образом, проблему ценностей мы рассматриваем как проблему согласованности структур, которые можно представить в двух аспектах по отношению к субъекту: «внешней согласованности» (я — другой; я — культура) и «внутренней согласованности» (желания — ценности — поступки).

Нarrатив и солидарность

Любое общество не может существовать в устойчивом состоянии без объединения вокруг базового минимума ценностей. Даже постмодернисты, критикуя классическую аксиологию, не отказываются от ценностей, а лишь предлагают альтернативные модели [4].

Процесс формирования, изменения и распространения ценностей динамичен. Если представлять аксиологический горизонт как нечто, что может быть высказано ясно, то динамика изменения, принятия и отторжения ценностей должна быть артикулируема [3].

Ч. Тейлор рассматривает артикуляцию как механизм, образующий связь между возникновением ценностей и формированием идентичности субъектом: «Когда речь идет о делах человеческих, известны ли нам более адекватные критерии реальности, чем те понятия, которые в результате критических размышлений и исправления выявленных ошибок наилучшим образом объясняют нашу жизнь?» [31]. По Ч. Тейлору, артикуляция опыта жизни невозможна без отсылки к ценностям, которые выступают основаниями интенциональных состояний, ориентациями и мотивами, направляющими поведение. Критика артикуляции или обретение нового опыта могут выступать причинами изменений ценностей. В результате одна артикуляция превращается в другую, наиболее предпочтительную для субъекта, тем самым порождая новый нарратив. Такую динамику Ч. Тейлор определяет как принцип «наилучшей из возможных артикуляций опыта» (Best Account) [30]. Согласно данному принципу, ценности, их восприятие, трансформация и передача немыслимы вне опыта самопонимания личности.

Ценностью выступает не любое предпочтение или желание, а только такое, которое, по мнению субъекта, нуждается в обосновании (рациональной артикуляции). Ценность — это то, с помощью чего мы можем давать оценку нашим желаниям не только в значении их практического воплощения, но и с помощью критериев, которые отличаются от самих желаний.

Не вся артикуляция одинаково содержательна и рациональна, но продвинуться в ней можно только путем конструирования нового нарратива, отражающего лучшую интерпретацию опыта. В ходе обнаружения наилучшей артикуляции опыта становится очевидным, что мы не можем произвести собственное самоописание и обозначить свои стремления без упоминания определенных ценностей. Именно в этой необходимости и обнаруживается реальность ценностей, их онтологизация в горизонте субъекта.

Онтологизация ценностей происходит посредством рефлексии, эмпирическим следствием которой являются аксиологически детерминированные поступки и рациональная артикуляция, выступающая необходимым условием для возникновения солидарности. Такую солидарность следует воспринимать как выражение общего нарратива или как формирование общего языка, облегчающего обоснование ценностей. Артикуляция выступает методом рефлексивного размышления, в ходе которого мы не утверждаем априорные «вечные ценности», а с учетом дополнительных фактов последовательно разрешаем возникающие противоречия, тем самым формируя «наилучшую из возможных артикуляцию опыта», что соответствует принципу фаллибилизма, утверждающего, что

любое высказывание о предмете суждения не является исчерпывающим и окончательным и подразумевает замену на лучшую интерпретацию в будущем.

Рефлексия, как необходимое условие интернализации, определяет отличие «ценности» от «нормы». *Ценность* — это интернализованные рестриктивно-обязывающие или аттрактивно-мотивирующие установки, осознаваемые в качестве детерминант поведения, позволяющие воспринимать поступки в качестве результата собственной деятельности. Нормой выступают внешние предписания, не осознаваемые в качестве внутренней мотивации к действию. Артикулируя опыт переживания ценностей, я выступаю в качестве достаточного основания критериев суждений о благе, которые являются значимыми для меня как для субъекта. В случае норм я могу лишь осознавать тот факт, что я презентирую то или иное суждение о благе, но критерии моего суждения находятся вне меня. Интернализация одновременно выступает необходимым условием для преодоления дистанции между императивным характером норм и аттрактивным характером ценностей, снимая противоречия между внутренними установками и внешними нормативными требованиями культуры.

Другим важным аспектом процесса артикуляции ценностей выступает его имманентная диалогичность, понимаемая как диалог с Другим (результат — солидарность) и диалог с Собой (результат — интернализация). Концепция диалогичности М. М. Бахтина позволяет рассмотреть принцип «наилучшей из возможных артикуляций опыта» в качестве «децентрализованного языкового сознания», динамичного процесса конструирования смыслов и ценностей, альтернативой авторитарному дискурсу, способной согласовать индивидуальное и коллективное [\[1\]](#).

Принцип «наилучшей из возможных артикуляций опыта», основанный на методе рефлексивного размышления, фаллицизме и диалогичности, является альтернативой авторитарного дискурса, того, что М. М. Бахтин определял как «авторитарное слово». Согласно М. М. Бахтину, «авторитарное слово» — это дискурс вокруг внешней, не подлежащей сомнению идеи, он воспринимается как неизменный и не поддающийся оспориванию, это то, что органически связано с прошлым, преднаходимое слово, его не приходится выбирать среди таких же равных. Авторитарный дискурс может быть выражен в религиозной и политической догме, в дискурсе отцов, в том, что уже признано в прошлом. Он исключает сомнение, рефлексию и диалог — «требует признания и усвоения, навязывается нам независимо от степени его внутренней убедительности для нас», тем самым элиминируя субъект [\[1, с. 155–156\]](#). Рефлексия же образует «внутреннюю убедительность», обнаруживая смысл и значение ценности для субъекта, тем самым возвращая его к декартовскому самообнаружению. Отсутствие рефлексии обедняет личность не только гносеологически, но и аксиологически. Без рефлексии любое восприятие остается ограниченным, а любые нормативные требования культуры (дисциплины и правила) превращаются в простое подавление.

У М. М. Бахтина альтернативой авторитарного дискурса является «децентрализованное языковое сознание, опирающееся на социальное разноречие». Диалог по М. М. Бахтину происходит на границе встречи между Другим и Я. Эта встреча подразумевает присутствие интенции Другого и интенции Я, в которых для субъекта и представлено «общество» и «культура» [\[2\]](#). «Каждый раз в процессе диалогического общения мы имеем дело с человеком (индивидуальным), но воспринимается он нами как представитель некой структуры (коллективное), как социальный агент» [\[16\]](#). Высказывания согласуют в диалоге индивидуальное и коллективное, субъект и культуру, результатом чего выступает движение к солидарности. Силы подобной общественной

солидарности могут генерировать и регенерировать аксиологическое пространство в формах коммуникативных практик самоопределения [\[22\]](#). В диалоге проявляется то, к чему люди чувствуют оценочное притяжение, именно оно выступает одной из основных мотиваций к участию в нем.

Ценности, желания, эмоции и поступки

Вопрос, как ценности становятся предметом рефлексии и артикуляции, приводит к проблеме возможности смысловой взаимосвязи ценностей, желаний, эмоций и поступков. Говоря об опыте переживания ценностной нагруженности нашего существования, история философии эксплицирует его многообразие, определяя основные горизонты, в которых он реализует. Как правило, речь идет о когнитивном и эмоциональном характере опыта переживания ценностей, соотносимого с эмпирическим горизонтом поступков.

Наша оценка желаний происходит не только в контексте ситуативно-прагматических размышлений о достижении цели и реализации желаний. В опыте рефлексии мы осознаем, что помимо наших желаний, интересов и предпочтений существует нечто отличимое от них, то, что мы можем назвать ценностями. Именно они выступают внутренними критериями оценки наших желаний и поступков. Соотношение наших желаний, ценностей и поступков не является эмоционально нейтральным. Мы способны испытывать широкий спектр чувств: от возмущения, вины или стыда до благоговения, восхищения и чувства собственного достоинства. «Эти чувства являются эмоциональным выражением качественного оценивания, применяемого к нашим желаниям и поступкам. Их невозможно убрать, даже если нам самим хотелось бы быть свободными от них» [\[29\]](#).

Ценности даны нам не только в эмоциональном опыте оценивания собственных желаний и поступков, мы обнаруживаем их в опыте формирования идентичности. Артикулируя свою идентичность, мы обнаруживаем комплекс ценностных критериев, в который встроено наше восприятие самих себя, а также и других людей, и наших действий. Язык, которым мы объясняем сами с собой и с другими людьми, уже содержит подобные качественные критерии. Культура несет в себе спектр возможных аксиологических альтернатив (данных до субъекта) для конструирования себя, в рамках которых происходит формирование идентичности. Аксиологический каркас культуры выступает в качестве необходимого условия принципиальной возможности делать осмыслиенный выбор, определяя свою идентичность, исходя из уже имеющихся нарративов. Без дискурса, упорядочивающего многообразие альтернатив (определение качественных аксиологических различий), сознательный выбор был бы равносителен случайному и не имел бы последствий как для формирования нашей идентичности, так и для определения наших действий [\[7\]](#). Таким образом, невозможность нейтрального самоописания утверждает невозможность аксиологической нейтральности действия, что определяет смысловую взаимосвязь между ценностями, желаниями, эмоциями и поступками, образуя внутреннюю «топографию» морали.

Если мы с помощью рефлексии осознаем свои ценности, то мы неизбежно периодически спрашиваем себя: «Где я нахожусь относительно моих ценностей?» [\[19\]](#). Наблюдая динамику нашей жизни, мы можем оценить, в каком направлении она развивается, можно ли интерпретировать ее как результат стремлений к реализации тех или иных ценностей и насколько эта реализация успешна? [\[13\]](#). Определить, в каком пункте по траектории нашего стремления мы находимся, нам помогает артикуляция собственной

жизненной истории, создание собственного нарратива. Чтобы ощутить, кто мы, нам необходимо понимание о том, как мы такими стали и к чему мы стремимся.

Моральные чувства отличаются от других чувств своей связанностью с ценностями и восприятием нашей идентичности. В наших моральных чувствах выражается отношение нас к самим себе: принятие ответственности, переживание вины или стыда становятся понятными при соотношении их с тем, что мы считаем «правильным» с точки зрения наших этических установок [\[20\]](#). Мир, в котором мы пытаемся понять самих себя, воспринимается нами через набор тех или иных ценностей и идей, которые выражаются в наших моральных чувствах. Наша идентичность ожидает, что мы будем согласовывать свои действия с ее ценностями и требованиями.

Проблема взаимосвязи и баланса между опытом переживания ценностей, разнонаправленного спектра желаний, моральных чувств и совершаемых поступков неотделима от вопроса самоопределения субъекта и формирования его идентичности.

Если понимать «воображаемое» не как отражаемый образ чего-то, а как базовое креативное начало, способное конструировать и изменять антропологическую реальность, то «воображаемые» ценности могут выступать в качестве интегрирующего начала нашего Я [\[27, 8\]](#). Конструирование ценностей с помощью творческой работы воображения способно собирать «Я» в единое целое на основе принятия ценностей, которые формирует наше воображение и которые мы оцениваем как достойные того, чтобы соотносить с ними наше понимание себя, наши желания, чувства и действия. Ценности — это не цель, которой хотят достичь, а осознаваемая «значимость», которая является частью личной идентичности.

Герменевтический круг и нарративная идентичность

Интеграция структур нашего Я в единое целое, с помощью рефлексии и воображения, не приводит к изоляции от мира или к статической завершенности процесса самоконструирования. Основой возникновения приверженности ценностям является опыт самотрансценденции и формирования идентичности [\[5\]](#). Описывая опыт самотрансценденции, Ч. Тейлор обращается к герменевтическому методу, согласуя его с принципом «наилучшей из возможных артикуляций опыта»: «артикуляция ценностей направлена на преодоление разрыва между эмоциями (моральными чувствами) и осознаваемыми ценностями. Когда мы артикулируем ценности, мы придаём им такую форму, которая позволяет включить их в дискуссию, что может привести к утверждению, отрицанию или преобразованию наших ценностей и моральных чувств» [\[26\]](#). В случае подтверждения ценностей они продолжают существовать и укрепляться как в субъекте, так и в общем дискурсе, что придает моральным чувствам новую силу и интенсивность. Отрижение ценностей тем или иным нарративом не отменяет переживаемых чувств, но может послужить отправной точкой для ревизии, с помощью которой мы определяем спорные моменты наших высказываний и пытаемся выразить наши чувства таким образом, чтобы найти их подтверждение у других участников диалога или решаем остаться при своих формулировках, выступая против сформированного дискурса, проявляя свою аутентичность в качестве личного нарратива. Поскольку моральные чувства объединяют в себе самовосприятие и нашу приверженность ценностям, изменение артикуляции является причиной изменения самих чувств.

Без учета опыта реакции других, структурирующей функции языка, опыта рефлексивного мышления мы бы не могли идентифицировать собственные эмоции и ценности [\[9\]](#).

Формируя себя, мы соотносим существующие интерпретации со своими, пока не проясненными ощущениями еще до того, как окажемся способны сформулировать собственное высказывание и защитить наши чувства и ценности от предлагаемых трактовок. Зависимость самопонимания от сетей языкового обмена свойственна не только детскому периоду. Данная зависимость сохраняется на протяжении всей жизни [24].

Человек не может стать личностью, будучи один, он парадоксальным образом ощущает свою самотождественность, только будучи в отношениях с собеседниками. С теми, кто играл в прошлом важную роль в его определении себя, с теми, кто сегодня имеет важное значение для формирования языка самопознания, и теми, кто является принципиально иным в аксиологическом горизонте.

В процессе диалога артикуляция ценностей и чувств не является односторонне направленным действием, этот процесс протекает по принципу герменевтического круга. Мы перемещаемся между разными уровнями существования наших ценностей и чувств, собственным опытом переживания ценностей и предлагаемыми культурой интерпретациями, от диалога — к интерпретации и снова к диалогу [20]. Формируемая идентичность включает в себя характеристики ощущения субъектом самотождественности, непрерывности своего существования во времени и пространстве, устойчивые индивидуальные характеристики, позволяющие ответить на вопрос «кто Я?» [12]. Данный процесс можно изобразить в виде спирали.

Рис. 1 Герменевтическая спираль

Герменевтический круг не замкнутый цикл, который возвращает нас к исходной точке. В процессе интерпретации и осмысливания ценности и связанные с ними эмоции претерпевают изменения. Артикулируя их, мы можем изменить свои предшествующие ценности, форму их презентации или приобрести новые. Ценности, которые с трудом поддаются артикуляции из-за утраты своего статуса в общественном мнении или изменения индивидуальной интерпретации нашей личности, как правило, теряют силу, а связанные с ними эмоции ослабевают, что позволяет использовать данный метод в эмоционально ориентированной терапии [23]. Это означает, что артикуляция — это не просто дополнение к нашим эмоциональным переживаниям ценностей, а форма их существования и воспроизведения.

Герменевтический круг — это модель сложного процесса, описывающего взаимодействие между артикуляцией субъекта и его дорефлексивным опытом эмоционального переживания ценностей, с одной стороны, и индивидуальной артикуляцией и существующим в культуре спектром интерпретаций, с другой. Данный процесс позволяет согласовать указанные уровни существования ценностей, однако это согласование остается всегда динамичным, неполным и недолговечным. Рождаемый в этом процессе нарратив является «маяком» идентичности субъекта [25]. Нарративная идентичность придает человеческой жизни ощущение согласованности ценностей, моральной цели в динамике темпорального горизонта и обуславливает аксиологические детерминированные поступки [28]. Другими словами, нарративная идентичность необходима нам для обеспечения согласованности нашего автобиографического прошлого и предвосхищает воображенное будущее, обеспечивая тем самым психосоциальное единство ценностей и целей. Именно эта способность позволяет нам осознавать наше Я как нечто самотождественное. Это интериоризированная и развивающаяся индивидуальная история человека о том, как мы стали тем, кем мы являемся, и о том, к чему мы стремимся.

Нарративная идентичность, способствуя самопониманию и самоконструированию субъекта, помогает согласовать ценности, эмоции и целеполагание с социальной средой. Социокультурная среда требует от нас последовательности во времени, например когда нас просят объяснить, почему наши нынешние взгляды кажутся противоречащими ранее высказанным. Такое же требование выдвигается и к последовательности действий, которые должны быть согласованы с декларируемыми нами ценностями. Это необходимо для создания устойчивого впечатления о себе в сознании других людей (репутация), без которого невозможно долговременное сотрудничество.

Обязательства, долг, моральная ответственность, институты, собственность, репутация зависят от согласованности единства личности в темпоральном горизонте, что является одной из ключевых причин того, что такие формы социальной жизни отсутствуют у наших обезьяноподобных родственников. Трудно представить себе шимпанзе, которая упрекает другую за то, что она передумала или выполнила задачу не так хорошо, как в прошлом году.

Выводы

Опыт переживания ценностной нагруженности несводим лишь к нарративной практике артикуляции или сопричастности к дискурсу, это более сложный процесс взаимодействия внутренних структур субъекта как между собой, так с внешней культурной средой, который возможно выразить в модели герменевтического круга. Предложенная модель позволяет вывести понимание нарративной идентичности за пределы социально-конструктивистских представлений.

Герменевтический круг обнаруживает возможность согласования в субъекте различных уровней существования ценностей и преодоление противоречий между индивидуальным и коллективным, желаниями, эмоциями, ценностями и поступками. Предлагаемая модель позволяет описать согласование указанных уровней существования ценностей, но в эмпирическом плане оно всегда остается незавершенным и недолговечным.

Ценности обнаруживают свое существование в динамическом балансе между дорефлексивным опытом, личным нарративом и существующим в той или иной культуре спектром аксиологических интерпретаций. Возникновение рефлексивных стандартов, необходимых для оценок мотивов, воплощенных в наших желаниях, немыслимо за-

пределами категорий самопонимания личности. Это сближает проблематику теории ценностей с теорией формирования личности.

Важным аспектом процесса артикуляции ценностей как части нарративной идентичности выступает его имманентная диалогичность, способная согласовать индивидуальное и коллективное, тем самым содействуя возникновению солидарности. Такую солидарность можно воспринимать как выражение общего нарратива или как формирование общего языка, облегчающего обоснование ценностей.

Второй важной особенностью артикуляции ценностей в качестве элемента нарративной идентичности является их рефлексивное осознание. Рефлексия как необходимое условие интернализации определяет отличие «ценности» от «нормы» или «желания». Без рефлексивного осознания ценность не может быть воспринята в качестве внутренней мотивации, побуждающей к действию. Именно процесс рефлексивного осознания определяет ценность в качестве артикулируемого блага и является основанием для аксиологически детерминированных действий.

Диалог с Другим может выступать необходимым опытом, запускающим процесс трансформации нарративной идентичности, в основе которого лежит изменение моральных чувств (эмпатические переживания), выступающих в качестве основы возникновения приверженности ценностям, и служить основанием для их последующей интернализации, чем подчеркивается важность эмоционального опыта в вопросах аксиологии.

Нарративная идентичность придает человеческой жизни ощущение согласованности ценностей, целей и поступков в динамике темпорального горизонта. Именно эта способность позволяет нам осознавать наше Я как нечто самотождественное. При этом важно отметить, что нарративная идентичность не только конструируется из элементов спектра аксиологических альтернатив данных до субъекта, но и презентуется, выражая самоуважение, волю и самооправдание субъекта, актуализируется, воспроизводясь через артикулируемый нарратив, или же подлежит трансформации, сталкиваясь с новым опытом или критикой нарратива.

Таким образом, ценности встроены в структуру нарративной идентичности несколькими способами: они формируют содержание нарратива, укрепляют представления об идеалах через повествование и формируют интенции.

Различия и противоречия, в которые мы помещены, напряжение между жизненными идеалами, которые предлагает нам культура, можно рассматривать не только как потенциал для конфликта, но и как элементы, необходимые для обогащения и развития личной истории. Принцип «наилучшей артикуляции опыта», основанный на рефлексивном мышлении, позволяет перерабатывать возникающие напряжение и противоречие при конструировании своей нарративной идентичности, формируя автономную личность, независимую от того, в каких социально-культурных категориях она может дать ответ на вопрос «кто Я», определяя себя не через принадлежность, а через интеграцию в себе социальных и культурных контекстов своей жизни (Я — это Я, совокупность моего уникального жизненного опыта) [11].

Нарративная идентичность отражает процесс не только социализации, но и индивидуализации, что определяет перспективы мультидисциплинарного исследования нарративной идентичности в контексте проблемы анализа процессов интерпретации индивидуального жизненного опыта посредством ресурсов культуры (ценностей, норм и смыслов), а также их усвоение, воспроизведение и изменения при построении личных

нарративов.

Библиография

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная Литература, 1975. 502 с.
2. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания в 2 т. Том 1. М.: Юрайт, 2019. 405 с.
3. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. 438 с.
4. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации. Екатеринбург: Ridero, 2022. 700 с.
5. Зиннатова М. В. Самотрансценденция: феноменологическое исследование // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. № 3 (74). С. 116–128.
6. Йоас Х. Возникновение ценностей / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
7. Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
8. Кастроидис К. Воображаемое установление общества / Пер. с фр.: Г Волкова, С. Офертас. М.: ГНОЗИС, 2003. 479 с.
9. Колесов И. Ю. Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1. С. 67–81. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.37.1.08.
10. Кутковая Е. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23–33. DOI: 10.11621/prj.2014.0403.
11. Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–10.
12. Лысак И. В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 130–138.
13. Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 1. С. 15–39.
14. Парсонс Т. О структуре социального действия / Пер. с англ.: И. Бакштейн, Г. Беляева, Л. Седов, В. Чеснокова. М.: Академический проект, 2018. 435 с.
15. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «Религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 268–293.
16. Редкозубова Т. М. Диалогическая теория М. М. Бахтина и ее методологическая действенность для современных методов обучения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы IV Всероссийской научн. конф. (15–30 ноября 2014 г.). Вып. 4. Ростов н/Д: Дониздат, 2014. С. 256–266.
17. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер с англ.: Хестанова И., Хестанов Р. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
18. Сапогова Е. Е. «Текучий субъект»: трансгрессия, экзистенциальные ценности, идентичность в условиях неопределенности // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. 2022. № 1. С. 24–32.
19. Сиберс Й. Коммуникация и ценность / Пер. с англ. С. В. Клягина // Ценности и

- коммуникация в современном обществе, 2012. С. 5–11.
20. Фатич А. Ценность идентичностей: личность как экология ценностей // Социум и власть, 2021. № 2 (88). С. 26–35. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-26-35.
 21. Фомичева Т. В. К операционализации понятия «социокультурные ценности» в рамках проекта World Values Survey // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 123–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-123-131.
 22. Хан Г. Критический республиканизм: Юрген Хабермас и Шанталь Муфф // Современная политическая теория. 2013. Т. 12. №. 4. С. 318–337.
 23. Angus, L., Boritz, T., Mendes, I., & Gonçalves, M. M. Narrative change processes and client treatment outcomes in emotion-focused therapy // Clinical handbook of emotion-focused therapy, 2019, Pp. 243–260. DOI: 10.1037/0000112-011
 24. Baumeister R. F. Narrative self-understanding helps construct the unity of self across time // Evolutionary Studies in Imaginative Culture, 2019. Vol. 3(1). Pp. 23–26. DOI: 10.26613/esic/3.1.112.
 25. Butler J. The Psychic Life of Power: Theories in Subjection. California: Stanford University Press, 1997. 228 p.
 26. Carnevale F. A. "Charles Taylor, hermeneutics and social imaginaries: a framework for ethics research" // Nursing Philosophy. 2013. Vol. 14 (2). Pp. 86–95. DOI: 10.1111/j.1466-769X.2012.00547.x.
 27. Dewey John. A Common Faith. New Haven, Conn, 1934. 87 p.
 28. McAdams D. P. "First we invented stories, then they changed us": The Evolution of Narrative Identity // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. 2019. Vol. 3. (1). Pp. 1–18. DOI: 10.26613/esic/3.1.110.
 29. Taylor C. Negative Freiheit? Zur Kritik des neuzeitlichen Individualismus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. 320 p.
 30. Taylor C. The Ethics of Authenticity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 142 p.
 31. Taylor C. Quellen des Selbst. Die Entstehung der neuzeitlichen Identität. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1996. 912 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «*Homo loquens: ценности в структуре нарративной идентичности*» выступают ценности, их место в культуре и факторы формирования. В качестве ключевого момента образования ценностной вертикали автор рассматривает диалогичное социальное взаимодействие субъектов и делает акцент на речевом общении.

Методология исследования в статье четко не обозначена. Можно выделить сравнительный анализ позиций различных авторов по вопросу природы и процесса образования ценностей, компаративистский и структурный анализ.

Актуальность исследования может быть связана с традиционностью для философского рассмотрения проблемы ценностей, их непреходящей значимостью.

Научная новизна в целом не высока. Автор статьи обращается к «классической» для философии проблеме и дает обзор наиболее очевидному ответу на вопрос – каким образом складывается индивидуальная система ценностей в качестве основы любого

мировоззрения. В статье проводится мысль о том, что система ценностей возникает в процессе диалога личности с другими субъектами социального взаимодействия и культурой в целом. При этом сам автор находится в диалоге с такими авторами, обращающимися к трактовке мировоззрения, как Бахтин, Величковский, Витгенштейн, Йоас, Кастроидис, Леонтьев, Рорти. Статья не содержит принципиально новых подходов к пониманию ценностной составляющей мировоззрения, не носит обзорного характера, вводящего в научный оборот новые источники или неизвестные исследования. Как пишет сам автор: «проблему ценностей мы рассматриваем как проблему согласованности структур, которые можно представить в двух аспектах по отношению к субъекту: «внешней согласованности» (я — другой; я — культура) и «внутренней согласованности» (желания — ценности — поступки)». Едва ли такой аспект рассмотрения проблемы можно отнести к новизне исследования.

Стиль статьи научный, характерный скорее для формальных наук — логики, теории аргументации, чем для гуманитарного или философского исследования. Автор предлагает «голые схемы», призванные прояснить разные аспекты диалогического пути концептуализации системы ценностей. Полное отсутствие примеров или конкретных моделей, иллюстрирующих эти схемы, делает текст слишком абстрактным, сухим, неудобным для восприятия. Тема ценностей дает богатое поле для конкретизации философских проблем, автор намеренно избегает в статье перехода к «человеческому разговору» о ценностях. В тоже время, в статье очень корректное отношение к категориальному аппарату, определение всех базовых понятий, где необходимо — указание на возможность различного их трактования.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют названию и заявленной теме. Латинский компонент в названии — «*Homo loquens*», который можно перевести как "человек говорящий" дает отсылку к хейзинговскому — человеку играющему — «*homo ludens*». Статья имеет внутренние подзаголовки, показывающие развитие мысли автора в определении ценностной системы мировоззрения и ее генезиса — Нarrатив и солидарность — Ценности, желания, эмоции и поступки — Герменевтический круг и нарративная идентичность.

Библиография статьи включает 22 русскоязычных источника и 9 иностранных работ.

Апелляция к оппонентам присутствует на протяжении всего текста работы. Автор ссылается на своих предшественников давая ссылки на их имена, как например в случаях с Рорти Р., Парсонсом Т., Мораном, М. Витгенштейном Л., Бахтиным М. М.; или ограничиваясь ссылками без упоминания авторов в тексте, как это происходит с Пруцковой Е. В., Кутковой, Е. С. Фомичевой Т. В.

Статья фиксирует результат аналитической работы автора, его изучения и размышления над ценностной компонентой мировоззрения и может быть полезна читателю, заинтересованному в осмыслении проблемы образования ценностей.